

Метро. — 2003. — 15 июля. — с. 5

Мария АРОНОВА

Я умею признавать ошибки и делать выводы

...Она появляется на экране или сцене — и мы радуемся, как при встрече с родным человеком.

Секрет ее успеха прост: в любой из своих ролей Аронова естественна и откровенна

Режиссер — мой царь и бог

— Ваша последняя премьера — «Царская охота» в театре имени Вахтангова произвела фурор. Критики хвалят взмах, театралы скупают билеты: всем хочется увидеть Аронову в роли Екатерины II.

— Хвалит?! Я не видела ни одной приличной статьи. Я не прочла ни одного грамотного анализа нашей работы: ну это же надо — везде хвалят Аронову, но при этом ругают режиссера и других артистов... Выходит, люди ничего не смыслят в самом творческом процессе? Как это возможно — разбивать команду? Успех моей роли — это заслуга режиссера Владимира Иванова. Как можно отделить меня от остальных? Чем я была бы без них?

— Ну, теперь справедливость отчасти восстановлена. Как я понимаю, Владимир Иванов — это «ваш» режиссер, с ним вы работаете особенно продуктивно. Например, «Дядюшкин сон» по Достоевскому с вами в роли Марьи Александровны Москалевой — просто супер!

— Когда я училась в Щукинском театральном училище, он вел наш курс. Порой мне кажется, что Иванов знает меня лучше, чем я сама, он лепит из меня, как из глины, за что я благодарна ему бесконечно. Я человек творчески ведомый, я это знаю и признаю. Белой завистью завидую тем артистам, которые на 30% прислушиваются к режиссерам, а остальные — сами. У меня все наоборот, я на сто процентов завишу от режиссера!

— Большинство зрителей знают вас не по замечательным театральным работам, а по сериалам. Вас заметили в «Клубничке», затем вы блеснули в «Московских окнах», «Остановке по требованию»... Нравится играть в сериалах?

— Сериалы ведь бывают разные... «Московские окна», над продолжением которых мы сейчас работаем, доставили мне настоящую светлую творческую радость. В «Остановке по требованию» был блестящий актерский состав, игралось легко и приятно. А «Клубничка» изначально ни на что не претендовала — шутки и анекдоты снимались с одной-единственной целью: показать зрителям любимых артистов. И люди радовались при виде Крачковской, Польских, Демьяненко. Хотя разные мерзкие критические статьи появлялись и в пору выхода «Клубнички»: будто мы претендовали на орлиные крылья, а нас, неразумных, одергивали, дескать, «минуточку, минуточку, этого вам не позволено». Фу, глупость какая! Это я про критиков... Кстати, сейчас снимаюсь еще в одном сериале — «Ангелы на дорогах», режиссер Ильёр Нур-Мухамедов. Делаем все как в настоящем кино — с дублями, интересными планами. По-моему, выйдет здорово.

— Нынче модно играть в антрепризах, а вы их, говорят, не жалуете.

— Я занята в двух антрепризах, правда, обе они случайные — изначально были обыкновенными спектаклями. Спектакль «Весельчаки» по Саймону задумывался как бенефис Юрия Васильевича Яковлева, мы играли в театре, но потом его сняли с репертуара — и мы стали ездить по стране. А «Барские забавы» поставили Кирилюшенко, Будин и Карпов, еще когда мы учились в «Шуке». Теперь остановиться не можем, продолжаем играть забавы ради... А серьезных антреприз не было, это верно. Проблема в первую очередь

во мне: я актриса академического театра, привыкла репетировать спектакли по 6-7 месяцев, чтобы вжиться в образ, поразмыслить. А режиссеры антреприз копаться не любят: отводят на все месяцы полтора — и баста! Так что антрепризы пока подождут.

Из комсомола выгнали, из школы ушла сама

— От ваших ролей, особенно в кино, веет таким спокойствием... Кураж чувствуется, но здравомыслие и целеустремленность прежде всего! Я была поражена, узнав о вашей бурной юности: школу бросили, комсомол — тоже, замуж в 14 лет собрались, нервы родителям мотали. Как это все в вас сочетается?

— Обыкновенно. Я была бараном, тупым бараном. Папа ругался, мама убивалась, но запретить мне что-то было невозможно. Я всегда хотела идти своим путем, чтобы расширить лоб до крови и только потом сказать: «А ведь вы были правы!»

— Похоже, школе в родном Долгопрудном от вас доставалось... А сейчас, наверное, гордитесь: у нас сама Аронова училась! Хорошо учились-то?

— Училась не хуже других, но проблемы были постоянно. Я ведь хулиганила — в определенном смысле, конечно: спорила с учителями на равных, могла выйти из класса, хлопнув дверью. Я позволяла себе не соглашаться идейно. Отказывалась ходить на физкультуру, поскольку не понимала — почему, когда крутом столько парков, мы должны бегать по асфальту во дворе школы? Мое свободолобие граничило с хамством, но тогда я была готова на любые жертвы ради идеи. Не вылезала из двоек по «физре». А после девятого класса вовсе удрала из школы, устроилась работать художником на фабрику ВТО. Я, рисующая как курица лапой, — в художники! Естественно, я не задержалась там, и отец упрямил школьную директрису принять меня обратно. Родители гордились моим старшим братом Александром: он получил прекрасное образование, стал известным в столице иконописцем. Я же доставляла им одни неприятности. Последний год в школе был вообще кошмарным — я увлеклась театром и прогуливала безбожно.

— Что с комсомолом не сложилось?

— Посмеяла «наехать» на партора. Это было в десятом. Взялась доказывать, что девичьи на выданье в коротких юбчонках и дурацких кружевных воротничках не должны участвовать в смотрах песни и строя — глупо. Вышвырнули с треском.

— Вероятно, парторг не подозревал, что «выданье» — это более чем серьезно. Как родители пережили вашу первую попытку выскочить замуж в 14 лет?

— Я просто преклоняюсь перед их терпением! Никто не стал возражать против этого брака. Они согласились! Парень был много старше меня, из Узбекистана, звали его Улугбек. Он действительно хотел жениться, терпеливо ждал, когда мне стукнет шестнадцать. Его родные даже успели построить дом где-то в районе Ферганы, но все кончилось крахом. Почему? Надоел он мне, если в двух словах. Какое замужество, когда в голове ветер гуляет? Появились новые компании, новые ухажеры. Кажется, мой Лулу плакал, получив отказ. Мы поссорились, но потом помирились. Время от времени он — уже семейный, солидный человек — присылает мне открытки к 8-му Марта.

— Вашему сыну Владике 11 лет. Скажите честно: вы бы сами могли выдержать подобные «закидоны» своего ребенка?

— О!.. Я стараюсь. Чувствую, по части «закидонов» сын обойдет меня. Тот

же дикий характер, невероятно завышенная самооценка. Из-за этого мы сменили три дача, две школы. Сколько раз мама говорила: «Вот увидишь, твой ребенок окажется в три раза хуже тебя — тогда все поймешь!» Я уже поняла. Я пытаюсь хоть немного быть похожей на маму, но получается ли — не знаю. Мамочка была уникальной женщиной с невероятным пониманием сути своих детей, она обладала удивительным даром отшелушивать ненужное, видеть сердцевину проблемы. Родители положили огромное количество сил, чтобы научить нас с братом анализировать свои поступки, управлять эмоциями. Мама свято верила, что я смогу выкарабкаться из всех передряг — не знаю как, но она это предвидела. И вот в один ужасный день, когда мамы не стало, я обнаружила себя — 23 лет от роду — в пустой квартире, по которой гулял ветер, с четырехлетним Владиком на руках, с папой, потерянно съжившимся на стуле, фактически — в полном одиночестве. Впервые — без поддержки. Думалось, не выживу, не смогу...

— Маша, почему «в одиночестве»? А как же отец Владика?

— Вы полагаете, при своем бараньем характере я могла избежать участи матери-одиночки? Нет, моих родителей не миновал и этот удар.

Знаю мужчину, способного на подвиг

— Хватит о грустном, давайте хвататься. Вашего мужа зовут Евгений, вы вместе уже пять лет. Он бросил ради вас престижную работу — занимается домом, сыном. Стопроцентное взаимопонимание. Награда за все. Так?

— Для меня — награда. Что это для Жени — спросите у него. Когда мы познакомились, он был начальником транспортного цеха в театре имени Вахтангова, как-то лично подвозил Михаила Александровича Ульянова, а тот возьми да попроси, мол, подкинь и Машу до дома. С тех пор все началось. Непросто. Негладко — особенно в том, что касалось Владика. Ведь это очень сложный процесс — притирание ребенка к чужому мужчине, да еще с такой матерью, как я. Мое не тронь! Я тигрица, я волчица, я за своего сына в порошок сотру! Обычный комплекс матери-одиночки — попробуй изживи его в одночасье.. Но когда я просыпаюсь поутру и вижу, как мой Владик спит в обнимку с Женей — стало быть, прискакал ночью и привалился не к матери, а к нему — в пору тотчас бежать в церковь и ставить свечи: «Господи, спасибо!»

— А что Евгений делает сейчас?

— Работает заместителем директора в долгопрудненском Дворце культуры — подобрал место ближе к дому. Все подчинено одной цели — чтобы Владик был под присмотром. Ради нашей семьи Женя осознанно отказался от карьерных планов. Ценю ли я это? Конечно! Я понимаю, что этот мужчина совершает ради меня подвиг. Вы таких знаете? А мне такой достался. Я очень счастливая семейная женщина. Страшно даже представить, как я могла бы жить сейчас без Жени.

— А отец Владика?

— Пошел своим путем. Он учился в ГИТИСе, подавал невероятные надежды, слыл человеком-легендой — такой, знаете, таинственный, почти мистический, недостижимый. Мы познакомились, когда я была на первом курсе, жила в общежитии — дома я жить не могла, я же свободы искала, воли, независимости! Как-то мыла полы в комнате, вылезла прямо с тазами, растрепанная, в коридор, а там — он. И вокруг — свита. «Познакомьтесь», — шепчут мне, — это и есть тот самый Владислав». Гром грянул. Последовал

МАРИЯ АРОНОВА

Я была бараном, тупым бараном. Папа ругался, мама убивалась, но запретить мне что-то было невозможно

смерч. Все как положено. Затем родился Владик — тоже Владик — ну, вы же понимаете, одного при том половодье чувств не хватало... Мы поселились вместе. Жили год. А потом Влад-старший ушел, испарился. Я ни в чем не упрекаю этого человека, он сделал все, на что был способен. Мы не давали друг другу заверений вечной любви, он не обещал тянуть меня до гробовой доски. А я никогда не стала бы шантажировать его ребенком. Сын — это моя радость, мое счастье, это я сама выпросила его себе у Бога.

— Как же вы управлялись — одна, с ребенком? Когда учиться успевали?

— А я только и успевала, что учиться. Пришлось вернуться домой. Мама с папой приняли, сказали, что помогут, но ставят одно условие: никаких тусовок и загулов, маршрут четкий: «институт — театр — дом». И я понеслась. Работала как зверь. Никогда не прогуливала, не знала, что такое лень. Это я-то! Вспомните школу! Получается, Владик перевоспитал меня. И как я могу роптать после этого? Да я могу лишь благодарить Бога. С рождением сына жизнь оказалась подчинена его интересам. Я сумасшедшая мать. Думаю, в этом смысле никогда ничего не изменится.

— А не думали оставить время работу, заняться воспитанием ребенка — особенно после появления Евгения? Вы бы — в свою очередь — могли бы решиться на такое?

— Могла бы. Интересы мужа и сына всегда под «номером один». Работа — чуть поодаль. И все же есть «но» — единственное «но», прекрасно известное людям, которые меня любят. Я ведь сойду с ума, сидя на кухне! Во мне буря страстей, бездна эмоций и сил. Где, как израсходуется весь этот арсенал? Не пострадают ли от моей «жертвы» любимые домочадцы? Наверное, пока я способна зарабатывать хорошо и много, я должна делать именно это. Потом — увидим.

— Какой подарок порадовал бы вашего мужа больше всего?

— Об этом же подарке мечтаю и сама. О дочке.

Награды обожаю

— Вы помните, когда решили стать актрисой?

— Лет в пять. Я всегда хорошо читала стихи, а классе в шестом стала бегать в драмкружок Дворца культуры (того самого, где сейчас работает Женя). С нами занималась Ирина Николаевна Тихонова — человек не то чтобы съгрывавший роль в моей судьбе, но, можно сказать, определивший ее. Она режиссер по образованию, после института

ее звал к себе Гончаров, но она предложила Долгопрудный, открыла там студию и спасла не одну детскую душу. Тихонова подготовила меня к поступлению в Щукинское, стала моей крестной матерью. И стали мы с Ириной Николаевной родными людьми.

— А кто еще оказал влияние?

— Я же в Щукинском училась! Михаил Петрович Симаков, Яков Михайлович Смоленский, Ада Васильевна Пушкина. Они сделали из меня профессиональную актрису. Да я все время учусь — у корифеев, которые играют рядом, на вахтанговской сцене! Ульянов, Лановой, Яковлев, Борисова, Максакова. Горжусь уже тем, что работаю рядом с ними. Ну кто бы мог подумать еще восемь-десять лет назад, что сам Юрий Васильевич Яковлев будет звонить в Долгопрудный какой-то Мане Ароновой и обсуждать рисунки роли! Да я во снах помыслить о таком счастье не могла! Общение с этими людьми, тем более — похвала, высказанная ими, дорогого стоит.

— Вас не обходят наградами. Роль Прони Прокоповны из комедии Александра Горбаня «За двумя зайцами» оказалась в этом смысле особенно «урожайной»: за нее вы получили и премию «Кумир», и государственную премию Москвы, и «Хрустальную Турандот», и много чего еще...

— Стоит ли говорить, как я благодарна Саше за эту блестящую роль? Премий было много, но самой дорогой считаю рушник, подаренный Юлией Константиновной Борисовой. Она отдала его мне, посмотрев «Зайцев», и сказала, что выполняет завещание гениального артиста Василия Осиповича Топоркова. Когда-то он подарил этот рушник ей и сказал: «Когда поймешь, что есть кому передать — передай...» Конечно, я была потрясена, ведь у меня с Юлией Константиновной не было ни одного общего спектакля — как она оценила, как разглядела именно меня! На этом длинном льяном рушнике вручную вышиты объемные сцены из «Бориса Годунова». Храню его дома.

— А вы, кажется, не очень тщеславный человек.

— Ошибаетесь! Награды обожаю. Без похвал и одобрения жить не могу, без моральной поддержки просто погибаю! Это нормально для артиста, мы ведь жутко раннимы. И поднимаю планку все выше: «Золотую маску» хочу, званий разных хочу. Заработанных, учтите, не даровых. Это честно!

— Появился возможность «переиграть» жизнь — что изменили бы?

— Избежала бы участи матери-одиночки... Постаралась бы стать другой дочерью... Все.

Инна МОРОЗОВА

Формат: Мария

15.06.03